

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

И. В. Шишко

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Ирина Шишко

**Экономические правонарушения:
Вопросы юридической
оценки и ответственности**

«Юридический центр»

2004

Шишко И. В.

Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности / И. В. Шишко — «Юридический центр», 2004 — (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса)

Настоящая работа представляет собой исследование ряда общих для правовой оценки нарушений экономического законодательства вопросов, которые по-разному решаются в юридической науке и практике: к нормативным правовым актам какого уровня можно обращаться при толковании «экономических» норм УК РФ и КоАП РФ, влечет ли отмена запретов или обязанностей, установленных регулятивными нормами, декриминализацию деяний, совершенных в период существования указанных запретов (обязанностей), обоснованно ли единообразное толкование одного термина в разных «экономических» нормах УК, какие последствия влечет рассогласование диспозиций «экономических» норм УК и КоАП с обеспечиваемыми ими регулятивными нормами и почему, и многих других. Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов высших и средних юридических учебных заведений. Может быть использована в практической деятельности судьями, прокурорами, следователями, органами дознания и т. д.

© Шишко И. В., 2004

© Юридический центр, 2004

Содержание

Предисловие	7
Введение	9
Глава 1	11
Глава 2	29
§ 1. Бланкетность как типичная характеристика диспозиций норм главы 22 УК	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ирина Викторовна Шишко
Экономические правонарушения: Вопросы
юридической оценки и ответственности
ASSOCIATION YURIDICHESKYCENTER

Theory and Practice of Criminal Law and Criminal Procedure

I.V. Shishko

OFFENCES IN SPHERE OF ECONOMY
MATTERS OF LAW ESTIMATION AND RESPONSIBILITY

Saint Petersburg Yuridichesky
Center Press
2004

Редакционная коллегия серии «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса»

Р. М. Асланов (отв. ред.), А. И. Бойцов (отв. ред.), Н. И. Мацнев (отв. ред.), Б. В. Волженкин, Ю. Н. Волков, Ю. В. Голик, И. Э. Звечаровский, В. С. Комиссаров, В. П. Коняхин, А. И. Коробеев, Л. Л. Кругликов, С. Ф. Милуков, М. Г. Миненок, А. Н. Попов, М. Н. Становский, А. П. Стуканов, А. Н. Тарбагаев, А. В. Федоров, А. А. Эксархопуло

Рецензенты:

Л. В. Лобанова, доктор юридических наук, профессор

Кафедра уголовного права Алтайского государственного университета

Editorial Board of the Series

“Theory and Practice of Criminal Law and Criminal Procedure”

R. M. Aslanov (managing editor), A. I. Boitsov (managing editor), N. I. Matsnev (managing editor), B. V. Volzhenkin, Yu. N. Volkov, Yu. V. Golik, I. E. Zvecharovsky, V. S. Komissarov, V. P. Konyakhin, A. I. Korobeev, L. L. Kruglikov, S. F. Milyukov, M. G. Minenok, A. N. Popov, M. N. Stanovsky, A. P. Stukanov, A. N. Tarbagaev, A. V. Fedorov, A. A. Eksarkhopoulo

Reviewers:

Doctor of Law, professor L. V. Lobanova

Department of Criminal Law of Altai State University

The work is a research of a number of common issues for the right estimation of violations of legislation in sphere of economy, which are solved in different ways in legal science and in practice: to what level of normative legal acts one can apply when interpreting “economic” norms of CrC RF and CAO RF, whether the repeal of prohibitions or duties, prescribed regulating rules, decriminalization of acts committed when such prohibitions (duties) existed, whether uniform interpretation of one and the same term is reasonable in different “economic” norms of CrC, what consequences the

discordance of dispositions of “economic” norms of CrC and CAO with regulating rules secured by them involves and why, and many others.

The book is recommended for researchers, professors, post-graduates, and students of law schools. It can be also used in their practical activity by judges, procurators, investigators, agencies of inquiry, etc.

© I. V. Shishko, 2004 © Yuridichesky Center Press, 2004

Предисловие

При создании Уголовного кодекса РФ 1996 г. наиболее сложной задачей было формулирование норм об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. Прежний Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. был приспособлен к охране отношений, складывавшихся в условиях плановой социалистической экономики, новый УК должен был решать вопросы охраны рыночной экономики от преступных посягательств. При этом следовало учитывать, какое поведение субъектов экономической деятельности разрешено нормами регулятивных отраслей права (в первую очередь, гражданским правом), а какое запрещено и требует установления за него уголовной ответственности.

Новизна норм гл. 22 УК РФ потребовала активной разработки возникших научных и практических проблем. Они решались в значительной мере методом проб и ошибок, о чем свидетельствует, в частности, внесение в первоначальную редакцию норм гл. 22 УК многочисленных изменений. Несомненно, такие изменения будут происходить и в дальнейшем, поэтому возникла необходимость теоретической разработки путей развития и совершенствования законодательства и практики его применения.

Значительный вклад в решение проблем ответственности за «экономические» преступления внесли Б. В. Волженкин¹, Н. А. Лопашенко², П. С. Яни³, авторы учебников уголовного права и комментариев к УК РФ. Ряд вопросов был разрешен в работах автора данной монографии, кандидата юридических наук, доцента кафедры уголовного права и криминологии Красноярского государственного университета Ирины Викторовны Шишко⁴.

В предлагаемой читателям монографии И. В. Шишко отошла от традиционного комментирования отдельных норм гл. 22 УК и предприняла попытку исследовать правонарушения в сфере экономической деятельности с более широких позиций с тем, чтобы установить общие закономерности соотношения ответственности, предусмотренной в уголовном праве как охранительной отрасли, и в соответствующих регулятивных отраслях законодательства (гражданском, административном, налоговом и т. д.).

В основе исследования лежит бесспорное положение о том, что типичной характеристикой норм гл. 22 УК является их бланкетность, в связи с чем диспозиции этих норм практически детерминированы регулятивным законодательством. Данное свойство использовано автором монографии с целью показать насколько крепко «экономические» нормы связаны с нормами регулятивных отраслей, которые решающим образом влияют на сферу криминализации и декриминализации отдельных видов правонарушений и на практические вопросы толкования и правоприменения указанных норм.

На этой основе автором внесены оригинальные и интересные предложения по совершенствованию уголовного законодательства, в том числе формулировки новых норм Общей части, касающиеся особенностей субъективной стороны и субъекта преступления, а также Особенной

---

¹ Волженкин Б. В. 1) Экономические преступления. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 1999; 2) Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002 и др.

² Лопашенко Н. А. 1) Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997; 2) Преступления в сфере экономической деятельности (Комментарий к гл. 22 УК РФ). Ростов н/Д: «Феникс», 1999 и др.

³ Яни П. С. Экономические и служебные преступления. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Ин-тел-Синтез», 1997 и др.

⁴ Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях / Краснояр. гос. ун-т, Красноярск, 1998 (в соавт. с А. С. Гореликом и Г. Н. Хлупиной); Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство // Юридический мир. 1999. № 1–2. С. 46–52; Ответственность за принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения // Юридический мир. 1998. № 11–12. С. 42–47; Субъекты преступлений, связанных с банкротством // Российская юстиция. 2000. № 8. С. 41–42; Вина и преступления в сфере экономической деятельности // Уголовное право. 2002. № 3. С. 55–59 и др.

части уголовного права. Реализация этих и других предложений позволит установить общие правила, направленные на создание единой непротиворечивой системы ответственности за экономические правонарушения в различных отраслях права. Наконец, работа имеет практическое значение, так как ряд предложений может способствовать правильному применению действующих норм уголовного права об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности.

Разумеется, не все положения и выводы работы бесспорны. В частности, не все ученые, видимо, согласятся с тем, что уголовное право является чисто охранительной отраслью и не содержит регулятивных норм. Есть в работе и другие положения, с которыми можно не согласиться. Однако несомненно, что монография представляет значительный вклад в разработку проблем ответственности не только за «экономические», но и другие преступления с бланкетными диспозициями норм, а вызванная ею дискуссия будет способствовать дальнейшим научным разработкам, совершенствованию законодательства и практики его применения.

А. С. Горелик

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Красноярского государственного университета

Введение

Последнее десятилетие прошлого века ознаменовалось резким изменением экономического курса России от социализма к рыночной экономике. Столь крутой экономический «вираж» обязан обширным соответствующим изменениям в российском законодательстве в сфере экономики⁵, обеспечить которое, в свою очередь, были призваны нормы гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления в сфере экономической деятельности».

К сожалению, практика применения норм этой главы не позволяет констатировать эффективность уголовно-правовой охраны отношений в указанной сфере: при немалой распространенности преступлений, описанных в «экономических» нормах УК⁶, практика эта весьма незначительна⁷.

Одной из важных причин такого положения стали серьезные и многочисленные расхождения в доктринальном толковании признаков составов экономических преступлений⁸. Казалось бы, несовпадения в толковании признаков преступлений в науке уголовного права – дело обычное. *Особенностью доктринального толкования признаков преступлений, ответственность за которые предусмотрена гл. 22 УК, стало различное решение вопроса о соотношении норм указанной главы и экономического законодательства, являющего частью концептуальной проблемы соотношения уголовного и регулятивных отраслей права.* Термины в диспозициях «экономических» уголовно-правовых норм, явно заимствованные из регулятивных отраслей права⁹, нередко получают собственное уголовно-отраслевое толкование, иногда – с одновременным обоснованием недопустимости использования значения, приданного этому термину в не уголовном законодательстве.

Толкование норм гл. 22 УК «без оглядки» на те нормативные правовые акты, которые регулируют охраняемые этими нормами отношения, не было случайностью: в нем проявилось представление о «самостоятельном», полноценном регулировании уголовным правом позитивных (нормальных) отношений.

Применение «экономических» норм УК сдерживает и отстаивание их *конкуренции* с нормами регулятивных отраслей права: в определенных случаях, утверждается иногда в юридической литературе, и при наличии в общественно опасном деянии признаков состава преступления следует применять только те регулятивные нормы (чаще всего называют нормы ГК РФ), за нарушение установлений которых предусмотрена уголовная ответственность.

Отсутствие единой концепции соотношения уголовного и регулятивных отраслей права усугубилось их полным обновлением, с одной стороны, и появлением новых представлений о критериях структуризации права в его общей теории, с другой. Без исследования указанного соотношения многие вопросы применения «экономических» норм УК останутся нере-

---

⁵ Так, либо экономическим (рыночным) законодательством часто называют комплекс отраслей права (или отраслей законодательства), регулирующих отношения в сфере экономики: конституционное, международное, гражданское, финансовое, земельное, трудовое и др. (См., напр.: Демин А. В. Система российского права: тенденция и перспективы // Системность в праве: Сб. статей / Под ред. к.ю.н., доц. Н. Л. Клык; Краснояр. гос. ун-т. Красноярск: Изд-во «Универс», 2002. С. 15.)

⁶ «Экономическими» здесь и в дальнейшем будут именоваться нормы гл. 22 УК РФ.

⁷ См.: Волженкин Б. В. Мифы уголовной статистики и реальности экономической преступности или реальности уголовной статистики и мифы об экономической преступности // Уголовное право в XXI веке. Материалы Международной научной конференции на юрид. факте МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г. М.: «ЛэксЭст», 2002. С. 82–86.

⁸ Экономическими преступлениями в настоящей работе будут именоваться преступления, предусмотренные нормами гл. 22 УК РФ.

⁹ В общей теории права все отрасли права в зависимости от функции дифференцируют на позитивно-регулятивное и охранительное право (Общая теория государства и права. Академический курс. В 2 т. Т. 2. Теория права. М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 2000. С. 240).

шенными, а сами нормы – неприменяемыми или малоприменяемыми, либо применяемыми незаконно.

Так, обоснование рядом ученых недопустимости обращения при толковании бланкетных норм УК к нормативным правовым актам уровнем ниже федерального закона способно исключить уголовно-правовое обеспечение значительной части регулятивного законодательства: в широком его понимании оно включает множество *подзаконных* нормативных правовых актов.

Не будет преувеличением утверждение, что только с решением вопроса о соотношении уголовного и регулятивных отраслей права можно связывать адекватную преступлениям в сфере экономической деятельности правоприменительную практику.

Автор работы выражает уверенность, что настоящая монография, нацеленная, главным образом, на решение проблем теоретического плана, *окажется полезной и практическим работникам*: именно их вопросы по конкретным уголовным делам помогли выявить проблемы, потребовавшие теоретического осмысления.

Глава 1

Отношения, охраняемые нормами главы 22 УК РФ

1. Как известно, нормы Особенной части Уголовного кодекса РФ изложены системно, и в основе этой системы находится родовый объект¹⁰, т. е. та группа однородных общественных отношений¹¹, на которую посягает однородная группа преступлений.

Главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» законодатель включил в разд. VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики», и, следовательно, общественные отношения, охраняемые названной главой (и составляющие так называемый видовой объект), являются частью экономики. Не допустил ли законодатель ошибку, определяя круг отношений, которые «заполняют» сферу экономической деятельности, включив гл. 22 (к тому же наряду с гл. 21 и 23) в указанный раздел.

Необходимость установления видового объекта имеет не только теоретическое, но и *самое практическое значение*: без этого невозможно определить *пределы действия норм главы*. Например, невозможно установить круг сделок, принуждение к совершению которых или к отказу от совершения которых позволяет инкриминировать ст. 179 УК: подпадают ли под эту статью все сделки, включая сделки с имуществом, не используемым в предпринимательской деятельности. Кроме того, экономическая деятельность включена в качестве альтернативного признака объективной стороны легализации (ст. 174¹ УК), и без уяснения этого понятия трудно судить, какие деяния, наряду с совершением сделок, содержат состав данного преступления? Не названа экономической «иная деятельность», ответственность за воспрепятствование которой установлена ст. 169 УК¹², однако местоположение статьи в гл. 22 УК позволяет констатировать, что эта деятельность может быть только экономической.

В поисках ответа на поставленный вопрос обратимся к науке, изучающей экономику, – экономической теории. Экономика определена в ней как сложная система особых, специфических отношений людей¹³, в которой, в зависимости от характера воздействия тех или иных факторов на ее развитие, выделяют и отношения социально-экономического присвоения благ (или отношения собственности), и организационно-управленческие отношения¹⁴. Поэтому, во-первых, видовые объекты преступлений, предусмотренных нормами 21-й и 23-й глав УК, полностью «вписываются» в родовый объект, а, во-вторых, видовой объект преступлений, предусмотренных нормами гл. 22 УК, охватывает все иные общественные отношения, образующие содержание экономики.

На каком основании сделан последний вывод?

Дело в том, что в экономической литературе *экономика по существу отождествляется с экономической деятельностью*. Так, в одном из определений говорится, что экономика – это сочетание сфер деятельности, а сферы экономики – суть области экономической деятель-

---

¹⁰ Российское уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Изд-во «Спарк», 1997. С. 94; Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. д.ю.н., проф. Н. Ф. Кузнецовой, к.ю.н., доц. И. М. Тяжковой М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 1999. С. 197.

¹¹ Общеизвестно, что в настоящее время ряд авторов считают объектом преступления интересы или блага, Г. П. Новоселов – людей (*Новоселов Г. П.* Учение об объекте преступления. М.: Изд-во НОРМА, 2001. С. 60). О. Зателепин называет объектом охраняемую уголовным законом социальную безопасность (*Зателепин О.* К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве // Уголовное право. 2003. № 1. С. 31).

¹² Редакция статьи изменена Федеральным законом от 25 июня 2002 г. (Российская газета. 2002. 28 июня).

¹³ Курс экономической теории. Общие основы экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, переходная экономика: Учеб. пособие / Науч. ред. проф. А. С. Сидорович. М.: МГУ, Изд-во «ДИС», 1997. С. 55–56.

¹⁴ Там же.

ности¹⁵. Давая другое определение экономики (как сложное явление экономика рассматривается ими во многих аспектах), те же авторы пишут, что она представляет единство производства, распределения, обмена и потребления, причем производство рассматривается как первый признак экономической деятельности людей¹⁶. И. А. Ревинский непосредственно определяет экономическую деятельность как «совокупность действий, в результате которых происходит преобразование некоторых видов экономических ресурсов в готовый для потребления продукт»¹⁷, что позволяет рассматривать экономическую деятельность, как только одну из составляющих экономики. Однако этот же автор указывает, что экономическая деятельность состоит из нескольких основных элементов: производства, распределения, потребления и обмена¹⁸. Таким образом, единство основных системообразующих элементов экономики и экономической деятельности не позволяет увидеть существенное несходство этих понятий. Поэтому при исследовании экономической деятельности мы будем опираться и на научные суждения об экономике.

Всякое исследование столь сложных явлений, как экономическая деятельность (экономика), содержание которых определено абстрактными понятиями, требует установления их рамок, границ, что предполагает, в частности, и соотнесение этого понятия с такими, как «рыночные отношения» (экономику Российского государства диагностируют как переходную от командной к рыночной¹⁹) и «предпринимательская деятельность».

Рыночные отношения, отмечается в юридической литературе, не тождественны экономическим, они значительно уже последних по содержанию и существуют не в любом обществе, не при любой экономической системе²⁰. Рыночные отношения признаются таковыми при ряде условий, а именно: неограниченном числе участников конкуренции; свободном доступе на рынок и таком же выходе из него; мобильности ресурсов; полной информированности каждого участника конкуренции о предложении и спросе, ценах и норме прибыли; свободном предпринимательстве и др.²¹ Вместе с тем, являясь разновидностью экономических, рыночные отношения составляют часть экономики и могут только теоретически исчерпывать ее даже на определенном историческом этапе.

Предпринимательская деятельность – разновидность экономической. «Экономическая деятельность общества не сводится только к предпринимательству», – справедливо отмечает профессор Б. В. Волженкин²². Именно такое соотношение этих видов деятельности вытекает из ст. 34 Конституции РФ, закрепляющей право каждого на свободное использование своих способностей и имущества не только для предпринимательской, но и иной экономической деятельности. Указанное соотношение нашло отражение и в диспозиции ч. 1 ст. 174¹ УК.

Вместе с тем в уголовно-правовой литературе прослеживается некоторое сужение «границ» экономической деятельности, что, с нашей точки зрения, объясняется отсутствием целостного определения экономической деятельности в экономической теории и наличием законодательного определения предпринимательской деятельности.

¹⁵ Курс экономической теории. Общие основы экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, переходная экономика. С. 52.

¹⁶ Там же. С. 44.

¹⁷ Ревинский И. А. Курс экономики: Учебник. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. С. 34.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Курс экономической теории. Общие основы экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, переходная экономика. С. 74, 76; Ревинский И. А. Указ. соч. С. 34; Баликов В. З. Общая экономическая теория. Учеб. пособие. Новосибирск: ТОО «ЮКЭА»; НПК «Модус», 1996. С. 384; Пороховский А. Рыночный курс: противоречия и перспективы // Экономист. 2000. № 8. С. 27, 30; Тарасов О. Н. Государство и право в переходный период и их роль в становлении экономики // Академический юридический журнал. 2002. № 2. С. 7.

²⁰ Ведяхин В. М., Ревина С. Н. Об особенностях рыночных отношений // Журнал российского права. 2002. № 8. С. 49.

²¹ Там же.

²² Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С.82.

Так, первоначально криминалисты отождествляли экономическую деятельность с деятельностью в сфере производства по созданию общественного продукта, направленную на жизнеобеспечение общества и государства,²³ хотя экономическая деятельность не ограничивается производством, а наряду с ним аккумулирует распределение, обмен и потребление.

Иногда ее связывают не с единичными действиями, а с их *системой*²⁴. В частности, предложено толковать понятие экономической деятельности как «деятельности, осуществляемой в областях производства, распределения или потребления (сфера обмена почему-то не упомянута. – И. Ш.), не носящей характера разового действия»²⁵, хотя направленность на систематическое получение прибыли, что, как правило, предполагает и систему действий, в качестве обязательного признака присуща именно предпринимательской деятельности. Взятие предложенного определения «на вооружение» Уголовным кодексом привело бы к неприменению целого ряда «экономических» норм, предусматривающих ответственность за деяния «разового» характера (контрабанду, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, незаконный оборот драгоценных металлов или драгоценных камней и др.).

Кроме того, из числа субъектов этой деятельности иногда исключают граждан (потребителей), рассматривая их *соприкасающимися* с экономической деятельностью²⁶, а не осуществляющими ее.

Ссылаясь на представление об экономической преступности правоохранительных органов, Б. Свенссон также считает, что экономические преступления могут совершать только предприниматель, его заместитель или агенты²⁷.

Вместе с тем в предпринимательском праве экономическую деятельность, во-первых, делят на активную (по производству товаров и реализации работ, услуг) и пассивную (например, внесение собственного имущества в уставные капиталы), а, во-вторых, даже активную экономическую деятельность не обязательно связывают с намерением получать прибыль систематически²⁸. Так, А. Курбатов отмечает, что активную экономическую, но не предпринимательскую деятельность осуществляют, например, биржи²⁹.

Еще шире интерпретируют экономическую деятельность специалисты в области экономической теории. Они выделяют и такие сферы экономической деятельности, как потребление продукции собственного производства (включая домашнее хозяйство)³⁰, и производство домашним хозяйством услуг, которые не продаются на рынке (работа домашней хозяйки, воспитание детей)³¹. Производство в этих сферах в меньшей степени опосредовано реальным

²³ Лопашенко Н. А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. С. 11.

²⁴ Лопашенко Н. А. Вопросы совершенствования норм главы 22 УК РФ: Проект ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ (с пояснительной запиской) // Налоговые и иные экономические преступления: Сб. науч. ст. Вып. 1 / Под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль: ЯрГУ, 2000. С. 18; Лукашов А. И. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации. Минск: Тесей, 2002. С. 11–12.

²⁵ Лопашенко Н. А. Еще раз об оценочных категориях в законодательных формулировках преступлений в сфере экономической деятельности // Уголовное право. 2002. № 3. С. 39.

²⁶ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 82.

²⁷ Свенссон Б. Экономическая преступность / Пер. со шведок. М.: Прогресс, 1987. С. 27.

²⁸ Курбатов А. Обеспечение баланса частных и публичных интересов – основная задача права на современном этапе // Хозяйство и право. 2001. № 6. С. 96.

²⁹ Там же.

³⁰ Только в статье А. Г. Корчагина и А. М. Иванова нам удалось встретить «включение» в экономику домашнего хозяйства (Корчагин А. Г., Иванов А. М. Уголовное законодательство о преступлениях в сфере экономики и управления: сравнительное изучение // Государство и право. 2002. № 12. С. 40).

³¹ Курс экономической теории. Общие основы экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, переходная экономика. С. 53.

товарным обменом, а учет благ и услуг затруднителен,³² но и эти сферы деятельности – сферы *экономической* деятельности. Даже не занимающееся домашним хозяйством лицо вовлечено в экономическую деятельность, поскольку получает от государства субсидии и другие средства, или вступает в отношения с государством по поводу выплат из своих доходов и т. п.

Отнесение к экономической деятельности производства домашним хозяйством услуг, нереализуемых на рынке, доказывает, что этой деятельности не обязательно присуща направленность на получение не только систематической прибыли, но и разовой³³. Поэтому в экономической теории к экономическим субъектам как участникам экономической деятельности относят всех, кто *может самостоятельно принимать решения по достижению целей и имеет в своем распоряжении ресурсы* (свой бюджет)³⁴. Исходя из двух указанных критериев, к субъектам экономической деятельности относятся не только коммерческие и некоммерческие организации, но и домашние хозяйства³⁵, которые могут состоять и *из одного человека*³⁶. Конечно, основной рыночной функцией домашних хозяйств является не производство товаров и услуг, а обеспечение рынка факторами производства.

Изложенное требует корректировки уголовно-правового представления о субъектах экономической деятельности: ими могут быть и граждане, не осуществляющие предпринимательскую деятельность, если они имеют свой бюджет, самостоятельно принимают и реализуют решения. Только в свете представления об экономической деятельности, адекватного сформулированному в экономической теории, объяснимо, почему они несут ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем (ст. 174 и 174¹ УК), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК), злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК), принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК), контрабанду (ст. 188 УК), незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191 УК), уклонение от уплаты налога (ст. 198 УК)³⁷.

Узкое толкование экономической деятельности как осуществляемой единственно организациями и индивидуальными предпринимателями обусловило неправильное представление некоторых практических работников о круге сделок, принуждение к совершению которых или к отказу от совершения которых образует объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 179 УК. Представлению о том, что речь идет о сделках по поводу объектов, используемых исключительно в предпринимательской деятельности, способствовало и доктринальное толкование признаков состава этого преступления³⁸.

³² Там же.

³³ По мнению В. М. Алиева, экономическая деятельность не имеет извлечения прибыли в качестве основной цели, но требует затрат денежных средств или использования иного имущества для достижения других целей, например, охраны здоровья, оказания юридической помощи и т. д. (Алиев В. М. Уголовно-правовая характеристика легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем // Российский следователь. 2001. № 1. С. 20.) Нам представляется, что это определение может частично охватить и предпринимательскую деятельность: даже присущая последней цель получать прибыль систематически не обязательно должна быть основной, она может быть подчинена другой.

³⁴ Там же. С. 49.

³⁵ Там же. См. также: Долан Э.; Линсдей Д. Микроэкономика / Пер. с англ. В. Лукашевича и др. / Под общ. ред. Б. Лисовика и В. Лукашевича. СПб., 1994. С. 8; Ревинский И. А. Указ. соч. С. 39.

³⁶ Долан Э., Линсдей Д. Микроэкономика. С. 9; Ревинский И. А. Указ. соч. С. 39.

³⁷ В то же время применительно к монополистическим действиям и ограничению конкуренции (ст. 178 УК) «субъекта экономической деятельности» следует интерпретировать уже – как субъекта *предпринимательской* деятельности. Такое ограничительное толкование обусловлено Законом РСФСР от 22 марта 1991 г. «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», в котором конкуренция определена как состязательность хозяйствующих субъектов, а последними названный Закон признает только российские и иностранные коммерческие организации, некоммерческие организации, за исключением не занимающихся предпринимательской деятельностью, в том числе сельскохозяйственные потребительские кооперативы, а также индивидуальных предпринимателей (ст. 4 Закона). (Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 32. Ст. 1882; СЗ РФ. 1995. № 22. Ст. 1977; 1998. № 19. Ст. 2066; 2000. № 2. Ст. 124; 2002. № 41. Ст. 3969).

³⁸ Так, непосредственным объектом этого преступления Т. Ю. Погосян называет общественные отношения, обеспечива-

Неограниченность экономической деятельности, осуществляемой только производственными единицами, позволяет утверждать о значительно большем круге сделок, принуждение к совершению которых (к отказу от совершения которых) содержит состав преступления, предусмотренного указанной статьей: это могут быть различные виды сделок с жилым домом, земельным участком или иным имуществом, не используемым для систематического получения прибыли.

Экономические отношения не параллельны, они не просто сосуществуют, но и взаимодействуют³⁹. При этом взаимодействие настолько велико, что отношения собственности называют либо «фундаментом всей системы экономических отношений»⁴⁰, либо главным содержанием производственных отношений⁴¹. Такая связь отношений собственности с иными экономическими отношениями⁴² дает основание утверждать, что первые могут быть дополнительным объектом преступлений, ответственность за которые установлена нормами гл. 22 УК⁴³. Это подтверждается и распространенностью в диспозициях ее норм такого криминообразующего или квалифицирующего признака, как «ущерб». В это понятие в юридической литературе, как правило, включают вред имущественного характера⁴⁴, что самым непосредственным образом доказывает разрушительное воздействие преступлений этой главы и на отношения собственности.

2. Профессор Б. В. Волженкин критикует ряд авторских определений видового объекта экономических преступлений, отмечая, что «в сфере экономической деятельности могут существовать различные общественные отношения»⁴⁵. Поэтому, справедливо уточняет он, «видовой объект этих преступлений может быть определен как охраняемая государством система общественных отношений, складывающихся в сфере экономической деятельно-

---

ющие нормальное развитие предпринимательской деятельности, а в качестве возможных сделок указывает биржевые, внешнеэкономические, банковские и др. (Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов. Отв. ред. д.ю.н., проф. И. Я. Козаченко, д.ю.н., проф. З. А. Незнамова, к.ю.н., доц. Г. П. Новоселов. М.: Издат. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 293). По мнению Н. А. Лопашенко, «использование денежных средств или иного имущества для осуществления экономической деятельности как форма легализации по ст. 174¹ предполагает, что денежные средства или иное имущество вкладываются в законный *бизнес* (курсив наш. – И. Ш.) в предпринимательскую, банковскую или иную экономическую деятельность» (Лопашенко Н. Ответственность за легализацию преступных доходов // Законность. 2002. № 1. С. 21).

³⁹ Курс экономической теории. Общие основы экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, переходная экономика. С. 56.

⁴⁰ Ревинский И. А. Указ. соч. С. 47.

⁴¹ Баликов В. З. Общая экономическая теория. С. 19.

⁴² О том, что к объекту экономических преступлений относятся общественные отношения, производные от собственности либо тесно связанные с ней, пишет и А. Г. Корчагин (Корчагин А. Г. Преступления в сфере экономики и экономическая преступность. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2001. С. 17). Ю. Ляпунов также отмечает органическую связь собственности с общественными отношениями в различных сферах экономической деятельности, отводя собственности роль фундамента в этой сфере (Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. Н. Т. Ветрова и д.ю.н., проф. Ю. И. Ляпунова. М.: Новый Юрист, 1998. С. 195).

⁴³ В юридической литературе отношения собственности либо прямо указывают в качестве второго непосредственного объекта экономических преступлений (например, обмана потребителей), либо не выводят, в отличие от здоровья граждан, интересов общественной нравственности, безопасности государства за рамки объекта (например, незаконного предпринимательства и незаконной банковской деятельности) (Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 521, 162). О том, что «преступления против собственности обычно нарушают нормальное функционирование хозяйственного механизма, а хозяйственные преступления (ныне экономические. – И. Ш.) могут причинить убытки собственности», писал также В. А. Лихачев (Лихачев В. А. Роль уголовного права в защите национальной экономики развивающихся стран. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 15). По мнению И. Ю. Михалева, в структуре объекта банкротских преступлений присутствуют имущественные интересы, основанные на отношениях собственности (Михалев И. Ю. Криминальное банкротство. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 61).

⁴⁴ Волженкин Б. В. К вопросу о совершенствовании законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Налоговые и иные экономические преступления: Сб. науч. ст. Вып. 2 / Под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль: ЯрГУ, 2000. С. 25; Яценко Б. ВЖилкин М. Г. Ущерб как следствие преступлений в сфере экономической деятельности // Налоговые и иные экономические преступления: Сб. науч. ст. Вып. 5 / Под ред. проф. Л. Л. Кругликова. Ярославль: ЯрГУ, 2002. С. 26.

⁴⁵ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности... С. 80.

сти...»⁴⁶ Действительно, российская экономика неоднородна и сегментирована не только на правовую, но и на полуправовую («квазисерый» и «серый» рынки) и нелегальную («квазичерный» и «черный» рынок),⁴⁷ и уголовное право, разумеется, не охраняет экономические отношения, «протекающие» не в правовом русле.

Что же является видовым объектом экономических преступлений – экономические отношения или правоотношения? Поставленный вопрос суть часть более крупного: что вообще является объектом преступлений. Однако, будучи сторонниками традиционного и доминирующего подхода к объекту преступлений как общественным отношениям, здесь мы ведем речь об отношениях фактических либо правовых. Как известно, этот вопрос, как и многие другие, в уголовно-правовой доктрине единообразно не решается. Так, только применительно к собственности в качестве объекта называют и право собственности⁴⁸, и общественные отношения собственности, как экономическую категорию⁴⁹, и фактические отношения собственности⁵⁰.

С. С. Алексеев отмечал, что, «с точки зрения генезиса отправным, исходным при формировании правоотношений являются реальные, фактические отношения», включая и *экономические*⁵¹. В соответствии с этим правоотношения рассматриваются как *форма* общественных отношений⁵².

В то же время Р. О. Халфина убедительно доказывает, что при отделении формы от реального отношения теряется важнейший момент непосредственной связи прав и обязанностей с реальным поведением участников отношений. «Рассматривать... правоотношение в отрыве от его материального содержания нельзя, – указывает автор, – поскольку его содержание не существует вне его правовой формы»⁵³. При этом, подчеркивает Р. О. Халфина, многие реальные отношения, в том числе важнейший круг отношений в сфере производства, распределения и потребления, *могут существовать только в виде правоотношений* (выделено нами. – И. Ш.)⁵⁴. «...Правоотношения собственности, – проводит ту же мысль А. И. Бойцов, – выступают в качестве необходимой формы экономических отношений, которые в государственно организованном обществе не могут существовать иначе как в соответствующем юридическом закреплении...»⁵⁵

Правильность этого подхода подтверждает и решение вопроса об объекте конкретного преступления сторонниками признания объектом хищений экономических отношений собственности. Так, относившийся к их числу Г. А. Кригер приводил ряд примеров из судебной практики, свидетельствующих о том, что при установлении непосредственного объекта выс-

⁴⁶ Там же. С. 81.

⁴⁷ Колесникова Л. А. Неформальный сектор: издержки «переходности» или отражение самосознания? // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 61.

⁴⁸ Матвиевский П. С. Ответственность за преступления против социалистической собственности. Киев: Киев, ун-т, 1968. С. 65.

⁴⁹ Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. М.: Юрид. лит., 1971. С. 29–30; Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. Н. Т. Ветрова и д.ю.н., проф. Ю. И. Ляпунова. С. 196

⁵⁰ Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Ответственность за преступления против собственности. 2-е изд. испр. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. С. 18.

⁵¹ Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. С. 90.

⁵² Там же. См также: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. С. 36; Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. IV. М.: Изд-во «Наука», 1970. С. 312.

⁵³ Халфина Р. О. Указ. соч. С. 36. – На это же в конечном счете указывает и А. А. Пионтковский (Курс сов. уголовного права. В 6 т. Т. IV. С. 312).

⁵⁴ Халфина Р. О. Указ. соч. С. 36.

⁵⁵ Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 107. В. М. Ведяхин и С. Н. Ревина, исследовавшие рыночные отношения, также подчеркивают, что «важное значение имеет определение рыночных отношений как правоотношений» (Ревина С. Н. К вопросу о понятии и классификации рыночных правоотношений // Вестник института права Самарской государственной экономической академии. 2002. № 2. С. 11; Ведяхин В. М., Ревина С. Н. Указ. соч. С. 48).

шая судебная инстанция исходила из того, кому принадлежало право собственности на похищенное в конкретном случае имущество и когда в соответствии с законом оно возникло⁵⁶. «Таким образом, – констатировал Г. А. Кригер, – для установления объекта посягательства необходимо выяснить, кому в действительности принадлежало право собственности на данное имущество»⁵⁷. Но наличие у участников экономического отношения *права собственности* доказывает облечение этого отношения в правовую форму, т. е. наличие правоотношения!

Общественная опасность преступлений в сфере экономической деятельности заключается в неисполнении *обязанностей* (регистрировать предпринимательскую деятельность, получать в необходимых случаях лицензию, соблюдать лицензионные условия; гасить кредиторскую задолженность; предоставлять информацию, содержащую данные об эмитенте, о его финансово-хозяйственной деятельности и ценных бумагах, сделках; возратить на территорию

России в установленный срок предметы художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран, вывезенные за ее пределы; сдавать на аффинаж или продавать государству добытые из недр или полученные из вторичного сырья драгоценные металлы; возвращать из-за границы средства в иностранной валюте; платить таможенные платежи и иные налоги; отпускать товары потребителю полной мерой и т. д.) либо нарушении *запретов* (регистрировать незаконные сделки с землей; использовать чужой товарный знак; осуществлять монополистическую деятельность; эмитировать наличные деньги; разглашать сведения, составляющие банковскую, налоговую или коммерческую тайну; внести в проспект эмиссии недостоверные сведения и т. д.). И все обязанности либо запреты, составляющие содержание общественных отношений в сфере экономической деятельности, безусловно, являются правовыми. Более того, невозможность существования отношений по поводу уплаты налогов, регистрации и получения лицензии, возвращения валютной выручки из-за границы, маркировки товаров и продукции марками акцизного сбора или специальными марками и многих других обязанностей без нормативного их закрепления очевидна даже школьнику.

Следовательно, нормы гл. 22, как и всего разд. VIII УК, охраняют только правоотношения, т. е. общественные отношения, права и обязанности участников которых *уже нормативно закреплены*⁵⁸

На то, что «экономические» статьи УК защищают отношения, уже созданные не уголовными правовыми актами, указывает и П. С. Яни⁵⁹. И хотя он не называет их правоотношениями, ничем иным созданные правовыми актами отношения быть не могут.

Признание объектом преступлений, как и иных правонарушений, отношений, *урегулированных правом*, соответствует дефиниции объекта правонарушения и в общей теории права⁶⁰.

Представление о родовом объекте преступлений в сфере экономической деятельности как правоотношениях вполне корреспондирует определению и видового, и групповых объектов многих преступлений, предусмотренных нормами гл. 22 УК, как *установленного порядка* осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности (соответственно –

⁵⁶ См. напр.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1969. № 12. С. 11.

⁵⁷ Кригер Г. А. Указ. соч. С. 35. О субъектах права собственности пишет применительно к объекту – общественным отношениям и Г. Л. Кригер (Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Юрист, 1999. С. 141).

⁵⁸ По сути правоотношениями признают объект преступлений в сфере экономических отношений также Б. В. Яценко и М. Г. Жилкин, указывающие, что отраслевое законодательство (в первую очередь – гражданское) составляет правовую оболочку экономических отношений (Яценко Б. В., Жилкин М. Г. Указ. соч. С. 25).

⁵⁹ Яни П. С. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления. Дисс... докт. юрид. наук. М., 1996. С. 60.

⁶⁰ Поляков А. В. Общая теория права. Курс лекций. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 609; Общая теория государства и права. Академический курс. В 2 т. Т. 2. Теория права. С. 583; Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Юрист, 1999. С. 530.

порядка внешнеэкономической деятельности, уплаты налогов и т. п.):⁶¹ *порядок* общественных отношений определяется правом⁶².

С учетом того, что объект является необходимым элементом состава преступления, а объектом экономического преступления может быть только правоотношение, можно сделать два важных вывода.

Первый – нормы гл. 22 УК охраняют те общественные отношения (и только те), содержанием которых являются права и обязанности, *уже* установленные нормами регулятивного законодательства. В этой связи трудно согласиться с оценкой уголовного права как *регулятора* уже созданных не уголовными правовыми актами отношений⁶³. Р. О. Халфина справедливо указывает, что «правоотношение как единство формы и содержания не может быть предметом правового регулирования, оно – результат правового регулирования»⁶⁴.

Второй вывод состоит в том, что исследование преступлений, как и административных деликтов в сфере экономической деятельности, невозможно без исследования норм всех отраслей, регулирующих отношения в этой сфере: их незнание исключает возможность определить даже наличие или отсутствие объекта конкретного деяния, а следовательно, и состава правонарушения.

3. Единство содержания и формы вовсе не исключает возможности и целесообразности, а иногда и необходимости самостоятельного исследования экономических отношений и их правовой «оболочки». Ведь если содержание определяет форму («форма организации зависит от того, что организуется»⁶⁵), то установление специфики экономических отношений поможет понять и особенности регулирующего их законодательства, а значит и объекта экономических преступлений.

Отношения в сфере экономической деятельности, т. е. отношения по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг (иначе еще производственные отношения), не только объективно существуют, но и подчиняются законам, носящим объективный характер, т. е. не зависящим от воли и сознания людей. В то же время, «поскольку ни функционирование производительных сил, ни органически связанные с ними отношения процессов производства, распределения и обмена невозможны без сознательно, волевым образом действующих людей, то производственные, экономические отношения с необходимостью проявляются в форме волевых актов»⁶⁶. Вот почему правовое регулирование этих отношений, с одной стороны, возможно, а, с другой стороны, должно осуществляться с учетом «носящих объективный характер» законов. Однако в силу особенности производственных отношений и «сами» экономические законы постигаются не в каждом «проявлении» этих отношений, а через повторяемость определенных связей между фактами. «Объективный характер отношений распределения, как и всех экономических отношений, обнаруживается более или менее отчетливо лишь при рассмотрении производства в качестве многократно повторяющегося про-

⁶¹ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 81–82. – Порядком той или иной экономической деятельности считают групповые объекты многих преступлений этой главы Л. Л. Кругликов (*Кругликов Л. Л. Экономические преступления: понятие, виды, вопросы дифференциации ответственности* // Налоговые и иные экономические преступления: Сб. науч. ст. Вып. 1 / Под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль: ЯрГУ, 2000. С. 10–11) и А. И. Лукашов (*Лукашов А. И. Указ. соч. С. 25*). Общественные отношения производства, распределения, обмена и потребления, порожденные и регулируемые нормативными актами (порядок экономической деятельности), считает видовым объектом экономических преступлений А. П. Горелов (*Горелов А. П. Что охраняют уголовно-правовые нормы об ответственности за экономические преступления?* // Законодательство. 2003. № 4. С. 85).

⁶² Общая теория государства и права. Академический курс. В 2 т. Т. 2. С. 42.

⁶³ Яни П. С. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. М., 1996. С. 13.

⁶⁴ Халфина Р. О. Указ. соч. С. 113.

⁶⁵ Спиркин А. Г. Философия: Учебник. М.: Гардарики, 1999. С. 302.

⁶⁶ Шкредов В. П. Экономика и право: (Опыт экономико-юридического исследования общественного производства). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 1990. С. 6.

цесса»⁶⁷. «Экономический мир, – пишет П. Самуэльсон, – чрезвычайно сложен... Обычно в ходе экономического анализа не представляется возможным проводить контролируемые эксперименты, как это практикуется в научных лабораториях»⁶⁸. Установление прочных, постоянных, существенных причинно-следственных связей между фактами, явлениями, процессами в экономической жизни возможно только через накопление фактов⁶⁹. Это обстоятельство объясняет, почему меры по регулированию экономических отношений могут привести к результатам, противоположным ожидаемым: экономические закономерности *не просто* устанавливаемы, а соответствие им принятых экономических решений *не просто* проверяемо.

Поскольку экономическим отношениям присущи корреляционные связи, их правовое регламентирование, в отличие от регламентирования взаимодействия человека с природой или техникой, хотя, *в конечном счете*, и определяется экономическими условиями, во многом зависит от господствующих научных представлений о государственном регулировании рыночных отношений и лиц, осуществляющих правотворческие функции. «Несмотря на выдвижение на первый план профессионализма и компетентности, – пишет А. Эльянов, – их реальная отдача во многом зависит от мировоззренческих установок»⁷⁰. Дело в том, что даже «коренной» вопрос – о пределах государственного вмешательства в экономику – решался на протяжении столетий по-разному: Д. Норс, Ф. Кенэ, А. Смит отстаивали минимальное вмешательство государства в экономические отношения, в то время как В. Стаффорд и Д. Кейнс, наоборот, отстаивали идеи о необходимости вмешательства в экономику для обеспечения экономического роста. В настоящее время необходимость правового регулирования экономических процессов общепризнанна, однако вопросы о целях, методах осуществления и последствиях регулирования остаются весьма дискуссионными.

Это обстоятельство, в свою очередь, предопределяет сомнительную общественную полезность отдельных «регулирующих» актов. Так, в российской литературе отмечается, что некоторые меры, предпринятые Правительством в экономической сфере, вызывают диаметрально противоположные оценки даже у ведущих специалистов⁷¹.

Волонтаризм политиков, т. е. принятие решений, заведомо не считающихся с объективными требованиями,⁷² возможен везде, но значимость субъективного фактора, создающая благоприятную почву для волонтаризма, гораздо выше в странах догоняющего развития, к которым относят и постсоциалистические⁷³. В условиях сложности прогнозирования соответствия принимаемых решений экономическим законам и волонтаризма в принятии этих решений становится очевидным, что не все нормативные правовые акты, нацеленные на регулирование общественных отношений в сфере экономической деятельности, устанавливают социально и экономически *обоснованные обязанности (запреты)*. Не случайно, в отличие от литературы советского периода, где многократно повторялось утверждение К. Маркса «законодатель *не делает* законов..., а только формулирует», в постсоветской литературе открыто признается, что правовое воздействие на экономику может быть не только прогрессивным, но и регрессивным, не только стимулирующим, но и тормозящим⁷⁴.

⁶⁷ Шкредов В. П. Указ. соч. С. 9.

⁶⁸ Самуэльсон П. Экономика. Т. 1. М.: НПО «Алгон» ВНИИСИ «Машиностроение», 1993. С. 12–13.

⁶⁹ Баликов В. З. Указ. соч. С. 31. См. также: Спиркин А. Г. Указ. соч. С. 594.

⁷⁰ Эльянов А. Государство в системе догоняющего развития // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 12. С. 60.

⁷¹ Орехова Т. Р. Правовое воздействие на экономику: понятие и формы // Вестник Моек, ун-та. Сер. 11. Право. 2000. № 1. С. 77.

⁷² Баликов В. З. Указ. соч. С. 132; Шкредов В. П. Указ. соч. С. 8.

⁷³ Эльянов А. Указ. соч. С. 61.

⁷⁴ Теория государства и права / Отв. ред. В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. Екатеринбург: УрГЮА, 1996. С. 63; Орехова Т. Р. Указ. соч. С. 77. См. также: Крапивина Н. С., Плешанов А. Д., Смирнов Ю. М. Макроэкономические условия хозяйствования – основа устойчивого социально-экономического развития // Юридическая мысль. 2002. № 2 (8). С. 28.

Т. Р. Орехова отмечает, что «прямое соотнесение прав и свобод с реальностями экономического регулирования и экономической жизни, как правило, невозможно», а, следовательно, государство, по сути, свободно «в выборе любого рода воздействия на экономическую сферу *вплоть до ошибочного вторжения права в экономические отношения*, ведущего к регрессу и затрудняющего достижение конституционных целей»⁷⁵. Вероятность ошибочного решения, положенного в основу нормативного правового акта, значительно возрастает в условиях переходного состояния экономики, поскольку существенной общей чертой переходных процессов в ней является «беспрецедентная неоднозначность, разнонаправленность и неустойчивость протекающих процессов и событий, противоречивость тенденций и неясность закономерностей»⁷⁶.

Иными словами, даже в тех случаях, когда необходимость государственного вмешательства в конкретную сферу экономики не вызывает сомнений, законодатели не всегда точно знают, каким именно должно быть это вмешательство. *Вот почему установленные государством обязанности и запреты для участников экономических отношений нередко являются «пробными шарами», дающими эффект, противоположный ожидаемому.*

Подтвердим сказанное следующим примером.

В экономической литературе на протяжении уже нескольких лет встречались резко отрицательные отзывы предпринимателей о действующих налоговых нормах, исключавших, по их мнению, развитие производства. «Действующий в России механизм налогообложения, основы которого были заложены еще в 1991 г., сегодня становится тормозом экономического и социального развития государства», – вторили предпринимателям ученые⁷⁷.

Это обстоятельство признали, наконец, и официальные лица. «...По мере дальнейшего углубления рыночных преобразований присущие налоговой системе недостатки становились все более и более заметными, а ее несоответствие происходящим в экономике изменениям все более и более очевидным», – указал в проекте письма председателю Госдумы уже премьер-министр РФ. «В результате существующая ныне налоговая система стала явным тормозом экономического развития страны»⁷⁸.

Однако, если сформулированные в нормативных правовых актах экономические решения могут быть ошибочными, ошибочна и охрана «выстроенных» в соответствии с этими актами общественных отношений: *их нарушение не представляет общественной опасности*. Это обстоятельство необходимо учитывать при решении вопросов о декриминализации отдельных деяний в сфере экономической деятельности, темпоральном действии регулятивных норм, связанных с бланкетными нормами УК (см. § 3 гл. 2), обоснованности содержания интеллектуального момента в законодательной дефиниции умысла (см. § 1 гл. 5).

4. Отношения в сфере экономической деятельности чрезвычайно сложны. Только функционирование рынка (формирующегося в России) предполагает соответствующую инфраструктуру, под которой понимают совокупность отраслей, а также организационно-правовые формы, опосредующие кругооборот товаров, услуг, денег⁷⁹. Многообразие составляющих экономики отраслей и форм обуславливает регулирование отношений в сфере экономической деятельности *различными* отраслями права: гражданским, административным, земельным, банковским, финансовым и др. Никакие иные отношения не регулируются нормами стольких отраслей права!

---

⁷⁵ Орехова Т. Р. Указ. соч. С. 77.

⁷⁶ Сорокин В. В. Государственность переходного периода: теоретические вопросы: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 3.

⁷⁷ Гуреев В. Теория определения эффективности правового регулирования налоговой системы в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 1999. № 8. С. 11.

⁷⁸ Налоги должны обогащать страну, гарантируя благополучие граждан // Российская газета. 2000. 26 мая.

⁷⁹ Ревз некий И. А. Указ. соч. С. 73.

Полиотраслевое регулирование отношений в сфере экономической деятельности означает, что регулятивные нормы могут содержаться в различных источниках: законах (включая федеральные), указах, постановлениях, положениях, правилах, инструкциях, распоряжениях, письмах, корпоративных (локальных) нормативных актах, нормативных договорах. В ст. 5 и 6 ГК РФ закреплён и такой источник, как правовой обычай. Как видим, большое количество «задействованных» в регулировании экономических отношений отраслей права предопределило и *большое разнообразие его форм (источников)*.

Правовому регулированию экономической деятельности присуща и *многоуровневость*. Экономическая деятельность осуществляется хозяйствующими субъектами в разных условиях (не совпадают географо-демографические характеристики, неравномерно размещены производительные силы и т. д.), что требует территориально-дифференцированного правового регулирования этой деятельности. Указанная особенность экономической деятельности обусловила существенную характеристику регулирующих ее нормативных правовых актов: в соответствии со ст. 71 Конституции РФ к ведению Российской Федерации относятся установление только *основ* федеральной политики и федеральные программы в области экономического развития РФ, а также установление правовых *основ* единого рынка, в то время как многие другие вопросы регулирования экономической деятельности относятся либо к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ, либо только субъектов РФ или муниципальных образований. Анализ структуры законодательства регионов показывает, что именно нормативные правовые акты, *регулирующие экономику*, составляют большинство⁸⁰.

Нормативные правовые акты, регулирующие экономическую деятельность, могут приниматься и органами местного самоуправления. Так, согласно ст. 12 НК РФ (и. 4) местные налоги и сборы устанавливаются Налоговым кодексом РФ и нормативными правовыми актами представительных органов местного самоуправления.

Присущая субъектам экономической деятельности самостоятельность принятия решений также получила правовое закрепление (и. 1 и 2 ст. 1, п. 1 ст. 2, ст. 9 и другие статьи ГК РФ). В нормативных правовых актах, определяющих порядок создания, правовое положение, права и обязанности коммерческих организаций, особенно подробно регламентируются формирование органов управления, их компетенция и процедура принятия решений. Так, например, в Федеральном законе «Об акционерных обществах» принятию решений посвящены две главы (VII и VIII). Принятие решений (а они могут содержать локальные нормативные акты) в нарушение соответствующих норм является основанием признания их недействительными.

И количество локальных (корпоративных) нормативных правовых актов, регулирующих экономическую деятельность, конечно же, велико.

Все экономические субъекты подчиняются общим правилам, ограничивающим свободу действий каждого обязательными для всех нормами права и границами его владения, но обеспечивающими значительное повышение самостоятельности и экономической активности. «При этом с расширением индивидуальной свободы действий общая упорядоченность и регламентированность экономической деятельности существенно возрастает»⁸¹. Вот почему отношения в сфере экономической деятельности «плотно» урегулированы правом на всем «протяжении» ее осуществления – от формы сделок, порядка регистрации и лицензирования предпринимательской деятельности до банкротства и потребления благ. Как отмечает Т. Р. Орехова, «специфика правового воздействия на экономику заключается в нормативности экономической сферы...»,⁸² что еще раз подтверждает приведенные ранее суждения о том, что

⁸⁰ Павлушкин А. ВЧертков А. Н. Проблемы развития законодательства в сфере экономики // Журнал российского права. 2001. № 10. С. 151.

⁸¹ Курс экономической теории. Общие основы экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, переходная экономика. С. 89.

⁸² Орехова Т. Р. Соотношение права и экономики (общетеоретические аспекты). Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М.,

экономические отношения могут существовать только в виде правоотношений. Законодатель установил правила «взаимодействия» субъектов на рынке, обязанность платить законно установленные налоги, обязанности соблюдать определенные правила при осуществлении деятельности, связанной с драгоценными металлами и природными драгоценными камнями, правила внешнеэкономической деятельности, включая обязанность возвращать в Россию средства в иностранной валюте, и целый ряд других обязанностей. Поэтому велико не только количество нормативных актов, регулирующих отношения в сфере экономической деятельности, но и объем этих актов (достаточно вспомнить налоговое и таможенное законодательство, законодательство о ценных бумагах⁸³).

Сложность экономических отношений обуславливает и высокую сложность регулирующих их нормативных правовых актов. Некоторые из них без предварительного ознакомления с предыдущими, регулирующими тот же сектор экономических отношений, или юридического словаря не могут быть поняты ввиду обилия специальных терминов.

Резюмируя изложенное, можно констатировать регулирование экономических отношений огромным неоднородным массивом регулятивных норм, что существенно затрудняет определение правомерности действия (бездействия) субъектов экономической деятельности как правоохранительными органами, так и самими этими субъектами, и что, *в свою очередь*, резко актуализирует вопрос об интеллектуальном моменте умысла в преступлениях в сфере экономической деятельности.

5. Экономические отношения чрезвычайно *подвижны*: они развиваются, подчиняясь не только экономическим законам. На них оказывают влияние природные катаклизмы и политические события (засуха, война, длительное отсутствие избранного в надлежащем порядке Президента, губернатора, популистские меры в предвыборный период и т. д.). Реагирование экономических отношений на множество внутригосударственных и внешних факторов – одна из причин *высокой динамичности* регулирующего их законодательства (наряду с закрепленными в нем ошибочными экономическими решениями). Так, в России, забывшей о несостоятельности в советский период, только за десять последних лет трижды принимались законы о несостоятельности⁸⁴, трижды принимались общероссийские нормативные правовые акты (постановление Правительства и два закона) о лицензировании в целом⁸⁵, процесс изменений и дополнений в налоговое законодательство превратился в перманентный.

Указанная особенность норм, регулирующих экономические отношения, обострила вопрос об их темпоральном действии «в связке» с уголовно-правовыми нормами, предусмотренными гл. 22 УК (см. § 3 гл. 2).

6. Как отмечалось, российскую экономику относят к переходной. Социально-экономическая трансформация обусловила противоречивость протекающих в стране процессов, противоположный характер сосуществующих явлений, что существенно затрудняет теоретическое осмысление тенденций и закономерностей. В этих условиях повышается роль права в формировании будущей экономической модели общества. Специфика переходного периода состоит не столько в том, что законодательство, регулирующее экономические отношения, отражает происходящие изменения, а в том, что сама экономическая система общества формируется посредством права, регламентирующего сосуществование «прежней» и «новой» экономики⁸⁶. Поскольку завершение переходного периода предполагает «демонтаж» правовых средств, обеспечивающих сосуществование «прежней» экономики, в литературе даже отстаи-

2000. С. 7.

⁸³ Одно только Положение о простом и переводном векселе содержит 78 статей (ФЗ от 11 марта 1997 г. «О простом и переводном векселе» //СЗ РФ. 1997. № 11. Ст. 1238).

⁸⁴ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 1. Ст. 6; СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 222; СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁸⁵ СЗ РФ. 1995. № 1. Ст. 69; СЗ РФ. 1998. № 39. Ст. 4857; СЗ РФ. 2001. № 33 (Часть I). Ст. 3430.

⁸⁶ Тарасов О. Н. Указ. соч. С. 8.

важется необходимость издания и действия в переходный период *только* временных правовых актов⁸⁷. Эта позиция небесспорна, но временность не может быть вовсе не присуща нормативным правовым актам (или отдельным их нормам) переходного периода, регулирующим экономические отношения. Эта специфика регулятивного «экономического» законодательства детерминирует и временность некоторых уголовно-правовых норм: потребность в охране временных правоотношений отпадает вслед за заменой их новыми. Так, представляется, что не имеют «постоянной прописки» в УК РФ ст. 169 и 193, 171 и 172⁸⁸. Необходимость включения в Уголовный кодекс первой из них объяснима, с нашей точки зрения, инерционностью управления экономикой в переходный период, когда чиновники, управомоченные регистрировать организации, выдавать лицензии на осуществление определенных видов деятельности и совершать иные юридически значимые действия, продолжают видеть опасность во внедрении частной собственности и не желают мириться с лишением их правомочий непосредственно воздействовать на хозяйствующих субъектов.

Необходимость в установлении уголовной ответственности⁸⁹ за невозвращении валютной выручки из-за границы вызвана масштабами утечки капитала из России. По различным оценкам, из страны незаконно вывезено от 120 до 150 млрд долл., что почти в пять раз превышает годовой бюджет страны,⁹⁰ а ежегодный вывоз, по оценкам экспертов, составляет 20 млрд долл.⁹¹

Этот российский феномен бегства капитала вытекает, во-первых, из специфики *первоначального накопления капитала* путем теневого перераспределения доходов и, во-вторых, из стремления хозяйствующих субъектов стабилизировать (или наращивать) уровень доходов в обстановке спада производства и своеобразном деловом климате в России в переходный период (тяжелое налоговое бремя, низкий уровень гарантий безопасности бизнеса, недостроенность рыночной правовой базы и т. д.)⁹². С исчезновением факторов, провоцирующих высокие масштабы утечки капитала, исчезнет необходимость либо в уголовно-правовых мерах по обеспечению исполнения обязанности возвращать средства в иностранной валюте, либо эта обязанность будет «снята» и регулятивным законодательством. Как показывает мировой опыт, «наличие тех или иных ограничений на проведение валютных операций является характерной чертой большинства развивающихся стран и стран с переходной экономикой» либо периода нестабильности⁹³.

Совершенствование налогового и иных видов учета и контроля, с одной стороны, повышение требовательности к тем, кто оказывает услуги (производит или реализует товары) со стороны заказчиков, с другой стороны, затруднит осуществление незаконного предпринимательства в тех «параметрах», которые, по мнению законодателя, делают его общественно опасным. Поэтому не долгая «жизнь» может быть и у ст. 171 и 172 УК, хотя предоставление займа на определенных условиях (ростовщичество) признается преступлением в странах и с рыночной экономикой.

7. Особым, самостоятельным явлением в современной экономике стала глобализация. Несмотря на дискуссионность ее сущности, даже те концепции, в которых глобализация не считается чем-то феноменальным, связывают ее с *беспрецедентно* высоким уровнем взаимо-

⁸⁷ Сорокин В. В. Указ. соч. С. 7.

⁸⁸ По мнению М. В. Талан, при стабилизации рыночных отношений возможна декриминализация деяний, предусмотренных статьями 193, 171¹, 173, 194 УК и др. (Талан М. В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 9).

⁸⁹ См. также: ч. 2 ст. 15.25. КоАП РФ.

⁹⁰ Где закопаны русские деньги? // Российская газета. 2000. 17 нояб.

⁹¹ Полтавченко Г. Прозрачный бизнес – сильная экономика // Российская газета. 2001.25 апр.

⁹² Мельников В. Н. О развитии системы валютного регулирования и валютного контроля в Российской Федерации на современном этапе // Деньги и кредит. 1999. № 5. С. 10.

⁹³ Саркисянц А. Г. Либерализация валютного регулирования: мировой опыт // Финансы. 2002. № 1. С. 7, 9.

зависимости национальных экономик⁹⁴. Важнейшая черта глобального характера современной интернационализации заключается в том, что международные потоки товаров, услуг, капитала и информации контролируются не национальным, а международным законодательством.⁹⁵ Учитывая незначительное время развития экономики России рыночным курсом и «непричастность» ее к ряду международных соглашений, можно утверждать, что глобализация в экономике обуславливает определенную унификацию нормативных правовых актов⁹⁶, регулирующих экономические отношения в России, с аналогичными актами за рубежом, или регулирование части их международными договорами. Необходимость единого правового поля, в частности, стран СНГ и Европы, уже отмечалась участниками международного юридического форума 2003 г.⁹⁷ По мнению академика Э. Г. Кочетова, «сами геофинансовые, геоэкономические системы формируют новую модель права – мировую глобализованную правовую систему», в связи с чем он предлагает заменить термин «международное экономическое право» на «геоэкономическое право». Автор указывает, что под влиянием этих систем трансформируются основополагающие правовые институты, а именно: отношения собственности, договоры, соотношение публичного и частного интереса и др.⁹⁸ Использование высоких геофинансовых и геоэкономических технологий способно «буквально опустошить любую национальную экономику...». Умышленные действия глобальных предпринимателей (кредитные удары, развал банковской инфраструктуры и фондового рынка и т. и.) Э. Г. Кочетов считает нужным квалифицировать как геоэкономические преступления.

Глобальная трансформация мира, трансформация регулятивного законодательства с усилением его наднациональной составляющей влечет «сближение» российских уголовно-правовых норм, охраняющих эти отношения, с соответствующими нормами в зарубежных уголовных кодексах и повышение удельного веса конвенциональных преступлений в сфере экономической деятельности. Кроме того, с нашей точки зрения, сами международные конвенции должны утрачивать рамочный характер: предоставление государствам-участникам возможности признавать преступлениями только *часть* деяний, общественная опасность которых общепризнанна,⁹⁹ способствует не столько борьбе с ними, сколько их территориальному «перераспределению».

8. Изменение законодательства, регулирующего отношения в сфере экономической деятельности, может, не оказывая прямого воздействия на охраняющие их нормы УК, влиять на назначение отдельных уголовно-правовых норм (см. § 5 гл. 4).

9. С. С. Алексеев отмечает, что в зависимости от того, совпадают ли интересы участников правоотношений с теми задачами, которые преследует правовое регулирование, существует либо «энергетическое поле» активности (при совпадении), либо такое же «поле» сдерживания (если «сумма интересов» не согласуется с указанными задачами)^{99 100}. Результативность право-

⁹⁴ Костин А. Л. Глобализация и мировые тенденции укрупнения капитала // Финансы и кредит. 2001. № 5. С. 269–270.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Так, отсутствие международных многосторонних договоров о добросовестной конкуренции требует, как минимум, разработки поправок к национальному антимонопольному законодательству с учетом новых, глобальных условий конкуренции (Там же. С. 274).

⁹⁷ Глобализация, государство, право, XXI век // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 3.

⁹⁸ Кочетов Э. Г. Основные характеристики глобализационного процесса и правовое измерение мира // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 93–94.

⁹⁹ Так в п. 3 ст. 6 Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности установлено, что «каждая сторона может принять меры, которые она сочтет необходимыми, чтобы придать на основании своего внутреннего права характер уголовных правонарушений совокупности или части действий, описанных в пункте 1...» (СЗ РФ. 2003. № 3. Ст. 203).

¹⁰⁰ Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования

вых средств может быть высокой только в первом «энергетическом поле»: при втором – участники не «очень-то склонны подчиняться обязательным требованиям»¹⁰¹.

Примером «энергетического поля» второго типа является «поле» действия норм налогового права: налогоплательщики неохотно и не в полной мере подчиняются своей конституционной обязанности платить налоги. Представители правоохранительных органов – тоже налогоплательщики, и поэтому применение «налоговых» норм УК (ст. 194, 198, 199) отличается большей «склонностью» к освобождению виновных от уголовной ответственности в связи с их деятельным раскаянием в сравнении с другими нормами Особенной части УК, «сопровождаемыми» примечаниями об условиях такого освобождения. Д. И. Митюшев, исследовавший практику освобождения от уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, предусмотренных ст. 198 и 199 УК, в Республике

Коми, отмечает, что в соответствии с примечанием к ст. 198 УК было прекращено 60,8 % уголовных дел в 2001 г. и 40 % – за шесть месяцев 2002 г.¹⁰² При этом, подчеркивает он, нередко обвиняемый никак не способствовал раскрытию преступления (за исключением признания своей вины, в том числе и после того, как ему предъявляли материалы, доказывающие ее)¹⁰³. Имея в виду такое «поле» сдерживания, Пленуму Верховного Суда, очевидно, было бы целесообразно отметить недопустимость толкования словосочетания «если оно способствовало раскрытию преступления...», использованного в примечании к ст. 198 УК, как признания вины в случаях, когда она уже установлена собранными по делу доказательствами.

Другим примером учета «энергетического поля» сдерживания может быть «поле» действия Закона «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»¹⁰⁴. Уголовно-правовым средством обеспечения норм этого Закона стала, в частности, и ст. 178 УК. Субъектом предусмотренного ею преступления, отмечает Б. В. Волженкин, могут быть не только руководители коммерческих и некоммерческих организаций, занимающиеся предпринимательской деятельностью, и индивидуальные предприниматели, но и должностные лица федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, могущие участвовать в сговоре с хозяйствующими субъектами или самостоятельно¹⁰⁵. Круг субъектов преступления несколько расширился в связи с внесением в 2002 г. изменений в Закон «О конкуренции...»: запрет принимать акты и (или) совершать действия, которые ограничивают самостоятельность хозяйствующих субъектов, отныне распространяется и на законодательные органы субъектов РФ.

«Вхождение» должностных лиц перечисленных органов в число субъектов монополистических действий и ограничения конкуренции в условиях сохранения в России порядка государственного всевластия, «когда вместо свободной конкурентной рыночной экономики доминирующее значение приобрел строй прогосударственного номенклатурно-кланового капитализма»¹⁰⁶, принятие актов этими органами либо их должностными лицами, создающих дискриминирующие или благоприятствующие условия деятельности отдельным субъектам, нередко содержат все признаки преступления, предусмотренного ст. 178 УК.¹⁰⁷ С уче-

¹⁰¹ вания. М.: «Статут», 1999. С. 386–387.

¹⁰² Митюшев Д. И. Налоговые преступления (спорные вопросы ответственности). Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Красноярск, 2002. С. 4.

¹⁰³ Митюшев Д. И. Налоговые преступления (спорные вопросы ответственности). Дисс...канд. юрид. наук. Красноярск, 2002. С. 153.

¹⁰⁴ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 32. Ст. 1882; СЗ РФ. 1995. № 22. Ст. 1977; Российская газета. 2001.31 дек.; СЗ РФ. 2002. № 41. Ст. 3969.

¹⁰⁵ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 305.

¹⁰⁶ Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. С. 387; Рывкина Р. Российское общество как теневая социально-экономическая система // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 4 С. 44.

¹⁰⁷ Возможность совершения преступлений должностными лицами путем издания актов общего характера рассматривает и положительно решает Б. В. Волженкин (Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 138).

том совершения указанного преступления и в форме принятия нормативных правовых актов подобные акты должны тщательно анализироваться, а не составлять «незыблемую» основу для правовых выводов в отношении тех, чьи права и обязанности установлены этими актами.

Полагаем, соответствующее разъяснение Пленума Верховного Суда было бы отнюдь не лишним. Заслуживает в таких условиях внимания и предложение В. И. Тюнина предусмотреть в ст. 178 УК ответственность специального субъекта преступления – должностного лица¹⁰⁸.

10. Экономическое регулятивное законодательство, как отмечалось применительно к установлению уголовной ответственности за невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте, составляет часть важной проблемы – проблемы провоцирования им экономических преступлений. «Сама система государственного регулирования, – отмечает Н. Н. Седова, – может оказаться дополнительным фактором усиления неформальных отношений в экономике. Слишком узкие и жесткие институциональные рамки, чрезмерная государственная регламентация экономики при отсутствии легальных способов эффективной экономической деятельности могут вызвать дальнейшее углубление ее неформализации»¹⁰⁹. Комментируя взаимосвязь масштабов распространения «теневой» экономики с государственным регулированием, Портес выдвинул предположение, что растущая деформализация общественной жизни – особая форма приспособления к растущему вмешательству государства и глобализации экономики¹¹⁰. Правильность этого общего предположения подтверждает, в частности, связь налогового законодательства и поведения налогоплательщиков. Так повышение налогового бремени¹¹¹ влечет не только отток капиталов за границу, но целый «комплекс» других преступлений – незаконное предпринимательство (ст. 171, 172 УК), контрабанду (ст. 188 УК), уклонение от уплаты налогов (ст. 198, 199 УК) и таможенных платежей (ст. 194 УК). «Общеизвестно, – отмечается в юридической литературе, – что существует обратная зависимость между ставкой налогообложения и количеством собираемых налогов»¹¹², что в «переводе на язык» уголовного права означает такую же зависимость между ставкой налогообложения и числом преступлений, предусмотренных ст. 194, 198 и 199 УК.

Поэтому при всей необходимости государственного вмешательства в экономику оно должно обеспечивать максимальное совпадение интересов государства и его членов.

11. Конечно, особенности экономических отношений воплощены в нормах регулятивных отраслей права, и, как правило, только через последние «впитываются» уголовно-правовыми нормами. Но некоторые особенности этих отношений (уточним – поведения их участников) должны непосредственно учитываться при криминализации деяний в сфере экономической деятельности, толковании и применении «экономических» норм УК.

Так, известно, что «экономическая выгода составляет основу всей ткани экономической жизни... продающий во что бы то ни стало хочет продать подороже, а покупатель – купить подешевле»¹¹³. В целом ряде случаев максимизировать или получить прежнюю выгоду, не прибегнув к обману, объективно невозможно, поэтому обман – распространенный и древний «спутник» экономической деятельности, «удачно» заменяющий иные способы воздействия на

¹⁰⁸ Тюнин В. И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. СПб., 2001. С. 38.

¹⁰⁹ Седова Н. Н. Неформальная экономика в теории и российской практике // *Общественные науки и современность*. 2002. № 3. С. 53.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ По данным В. Л. Тамбовцева, в 1996 г. уровень налогообложения при честной уплате всех налогов доходил до 70–80 % от прибыли (Тамбовцев В. Л. Государство и экономика. М.: Магистр, 1997. С. 39).

¹¹² Кокушкина И. В. «Теневая» экономика и «черный» рынок в мировом хозяйстве // *Юридическая мысль*. 2001. № 3. С. 70.

¹¹³ Стиркин А. Г. Указ. соч. С. 642.

других участников экономических отношений. В экономических публикациях даже указывают на действие закона обязательного обмана¹¹⁴.

По мнению профессора А. М. Яковлева, обман является (должен являться) системообразующим признаком при определении преступности в этой сфере, и его отсутствие «лишает основания уголовно-правовую реакцию на действия в сфере экономической деятельности вне зависимости от количества полученного дохода или размера ущерба...»¹¹⁵. Такое утверждение представляется излишне категоричным: не случайно в правовой реальности признак обмана (злоупотребления доверием) не стал системообразующим.

В то же время, являясь разновидностью способов парализации воли хозяйствующих субъектов (их представителей), обман может стать главным или одним из нескольких объективных признаков, определяющих общественную опасность содеянного. Не случайно *в преступлениях, предусмотренных нормами гл. 22 УК, обман выступает способом совершения чаще, чем в нормах других глав УК РФ*. Частота использования обмана при описании объективной стороны преступления составляет, таким образом, особенность объективной стороны преступлений в сфере экономической деятельности.

Конечно, значение указанного способа различно. В некоторых преступлениях (ст. 176, 182, 186, 187, 197, 200 УК) обман является *конститутивным признаком* объективной стороны, в других – *альтернативным конститутивным признаком* (ст. 170, 171, 181, 185, 185¹, 188, 195, 198, 199 УК). Обман отчетливо просматривался бы при развернутом описании коммерческой организации в ст. 173 УК, во многих преступлениях возможность выполнения объективной стороны путем обмана (но не единственно им) логически вытекает из ее описания. Так, легализация (ст. 174, 174¹ УК) может осуществляться путем совершения мнимых сделок; злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177) возможно путем представления поддельных документов, доказывающих отсутствие имущества у виновного; сведения, составляющие коммерческую или банковскую тайну (ч. 1 ст. 183), можно получить путем обмана в полномочиях виновного; невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193) возможно путем занижения стоимости экспортируемого и завышения стоимости импортируемого товара. Не вызывает сомнения, что с использованием обмана можно уклониться от уплаты таможенных платежей (ст. 194), совершить преднамеренное банкротство (ст. 196). Производство, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта или сбыт товаров либо продукции, маркированных поддельными акцизными или специальными марками, если товары (продукция) подлежат обязательной соответствующей маркировке, квалифицируются не только по ч. 2 ст. 327¹ УК, но и по ст. П⁴УК.

Обман как признак объективной стороны преступлений в сфере экономической деятельности характеризуется тем, что в отличие от мошеннического обмана, или обмана в причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, как правило, *не может быть бесконечно разнообразным по содержанию*. Содержание обмана в преступлениях в сфере экономической деятельности ограничивается определением искажаемых сведений (предметов) нормативными актами, регулируемыми соответствующий пласт общественных отношений, либо непосредственно уголовно-правовыми нормами (ст. 170, 176, 182, 185, 185¹, 197, 198, 199), однако и в последнем случае содержание обмана предопределено регулятивным законодательством. Поэтому, если включение обмана в качестве признака объективной стороны многих преступлений гл. 22 УК, в конечном счете, обусловлено ненормативными правовыми актами, регулируемыми отношения в сфере экономической деятельности,

¹¹⁴ Орехина М. Действие законов Паркинсона на долговом рынке, или Чем руководствуются участники рынка при принятии решений // Рынок ценных бумаг. 2003. № 8. С. 54.

¹¹⁵ Яковлев А. М. Законодательное определение преступлений в сфере экономической деятельности // Государство и право. 1999. № 11. С. 41–42.

то содержание обмана, напротив, чаще всего – именно ими. Так содержание обмана в ст. 185 УК в целом ограничено диспозицией этой нормы (информация, вносимая в проспект эмиссии или отчет об итогах выпуска ценных бумаг), а конкретно – перечнем сведений, перечисленных в ст. 22 и 25 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. «О рынке ценных бумаг»¹¹⁶. Включение в проспект эмиссии искаженных сведений, не указанных в этих статьях, не образует преступления, предусмотренного ст. 185¹¹⁷. Безусловно, искажение учетных данных Государственного земельного кадастра образует внесение тех сведений, которые определены в гл. III Федерального закона от 2 января 2000 г. «О Государственном земельном кадастре»¹¹⁸, предметом преступления, предусмотренного ст. 186 УК, являются часть российской валюты и иностранная валюта, понятие которых раскрывается в п. 1 и 3 ст. 1 Закона РФ от 9 октября 1992 г. «О валютном регулировании и валютном контроле»¹¹⁹ и Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹²⁰.

Указание в диспозиции ч. 1 ст. 176 УК на ложность сведений именно о хозяйственном положении либо финансовом состоянии и отсутствие законодательного определения последних вызвали дискуссию по поводу того, какие конкретные сведения характеризуют финансовое состояние и хозяйственное положение. При этом попытки дать исчерпывающий перечень таких сведений оказались напрасными: их содержание определяется локальными нормативными правовыми актами банков.

Плотное регулирование правом экономических отношений, а в переходный период и интенсивное формирование регулятивным законодательством новых экономических отношений, обозначили актуальность исследования обусловленности норм гл. 22 УК не фактическими экономическими отношениями, а регулируемыми их нормами права.

---

¹¹⁶ СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918; 1998. № 48. Ст. 5857; 1999. № 28. Ст. 3472; 2001. № 33 (Часть I). Ст. 3424.

¹¹⁷ Горелик А. С., Шишко И. ВХлупина Г. Н. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Краснояр. гос. ун-т, Красноярск, 1998. С. 92.

¹¹⁸ СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 149.

¹¹⁹ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 45. Ст. 2542; СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2290; Российская газета. 2002. 31 дек.

¹²⁰ СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790; 2003. № 2. Ст. 157.

Глава 2

Отражение отношений в сфере экономической деятельности в УК РФ: особенность диспозиций норм главы 22 ук; проблемы отраслевой принадлежности, формы и действия в пространстве и во времени связанных с ними регулятивных норм

§ 1. Бланкетность как типичная характеристика диспозиций норм главы 22 УК

«...Область преступных деяний, – писал Н. Д. Сергеевский, – изменяется в истории; но при том важнейшие преступные деяния отличаются несравненно меньшей изменчивостью, чем преступные деяния маловажные. Изменение первых зависит от *крупных, коренных реформ* (курсив наш. – *И. Ш.*) и переворотов в государстве и обществе...»¹²¹ Сказанное в полной мере подтверждает и уголовное законодательство второй половины XX в. Особенности части российских уголовных кодексов 1960 и 1996 гг. *наиболее существенно* отличаются нормами, устанавливающими ответственность за экономические преступления (по терминологии УК 1960 г. – хозяйственные преступления). И это вполне объяснимо: коренные изменения в экономике потребовали и кардинального пересмотра деяний, признаваемых преступными в сфере экономической деятельности.

Существенная модернизация «экономических» уголовно-правовых норм вызвала серьезные трудности и, как следствие, разногласия в толковании норм гл. 22 УК РФ. Несовпадения в толковании, однако, объясняются не только появлением новых преступлений (неизвестных российскому уголовному праву вообще или праву советского периода), но и такой особенностью норм этой главы, как бланкетность. Правда, в юридической литературе «распространенность» бланкетности в нормах указанной главы УК определяется по-разному.

Л. Д. Гаухман относит к бланкетным не все нормы, устанавливающие ответственность за преступления в сфере экономической деятельности. В их число он включает ст. 169–172, ст. 174 и некоторые другие¹²².

Встречается утверждение, что бланкетные или описательно-бланкетные диспозиции имеют *многие* статьи гл. 22 УК¹²³ или большинство¹²⁴.

---

¹²¹ Пособие к лекциям Сергеевского Н. Д., заслуженного профессора С.-Петербургского Императорского Университета. С.-Петербург, 1905. С. 60.

¹²² Гаухман Л. Д. Проблемы УК: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке: Материалы Международной научной конференции на юрид. факте МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г. М.: «Лэкс-Эст», 2002. С. 48.

¹²³ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 103; Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. Н. Т. Ветрова и д.ю.н., проф. Ю. И. Ляпунова. С. 289.

¹²⁴ Шутило О. В. Законодательная техника при описании преступлений в сфере экономической деятельности // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: в 2 т. / Под ред. акад. РАЕН и ПАНИ В.М. Баранова Н. Новгород. 2001. Т. II. С. 328.

По мнению Н. А. Лопашенко, «абсолютное большинство диспозиций норм экономических преступлений следует отнести к бланкетным», а исключение составляют преступления, предусмотренные ст. 175, 179 и 184 УК¹²⁵.

В. И. Тюнин отмечает, что бланкетность имманентна составам преступлений, предусмотренных гл. 22 УК, однако некоторые составы (например, неправомерного воспрепятствования законной предпринимательской деятельности) автор не рассматривает как бланкетные¹²⁶.

П. С. Яни относит к бланкетным все статьи об экономических преступлениях¹²⁷.

М. В. Талан пишет, что диспозиции норм этой главы носят бланкетный характер¹²⁸. И, хотя автор непосредственно не отмечает, что бланкетность присуща *всем нормам* гл. 22 УК, полагаем, что иной вывод из ее заключения сделать нельзя.

Несовпадение в определении степени распространенности бланкетности в нормах гл. 22 УК не случайно. Оно, очевидно, имеет причиной различное понимание самой бланкетной диспозиции. Отсутствие ясности в том, какие диспозиции следует отнести к бланкетным, отмечал еще В. В. Соколов¹²⁹.

Сравнение определений бланкетных диспозиций, предложенных в научной литературе, позволило выделить в них *два компонента*: характеристику описания признаков преступления (первый компонент) и указание на связь таких диспозиций с нормами других отраслей права (второй компонент). Н. И. Пикуров добавляет еще один (третий) компонент: по его мнению, бланкетная диспозиция свидетельствует о нарушении иных нормативных актов¹³⁰. Однако, нам представляется, что *все*, а не подавляющее большинство преступных деяний, как указывает сам Н. И. Пикуров¹³¹, противоречат нормам иных отраслей права (это положение будет обосновано в третьей главе настоящей работы) и, следовательно, мы не можем согласиться с выделением такого компонента, как присущего исключительно бланкетным диспозициям.

И. Я. Козаченко¹³², Р. Р. Галиакбаров¹³³, И. А. Семенов¹³⁴ включают в определение единственно второй компонент (таким образом, он стал общепризнанной характеристикой бланкетных диспозиций), хотя большинство дефиниций содержат оба.

¹²⁵ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: Автореф. дисс... докт. юрид. наук. Саратов, 1997. С. 23.

¹²⁶ Отметим, что автор называет бланкетными составы (Тюнин В. И. Некоторые аспекты толкования, применения и совершенствования уголовного законодательства, охраняющего отношения в сфере экономической деятельности. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001. С. 4).

¹²⁷ Яни П. С. Экономические и служебные преступления. С. 46.

¹²⁸ Талан М. В. Указ. соч. С. 11.

¹²⁹ Соколов В. В. Принцип «nullum crimen, nulla poena sine lege» // Советское государство и право. 1980. № 12. С. 96.

¹³⁰ Пикуров Н. И. Применение следователем уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией: Лекция. Волгоград: ВСИП МВД СССР, 1985. С. 10.

¹³¹ Там же.

¹³² Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 1. Преступление / Под ред. проф. А. И. Коробеева. С. 172.

¹³³ Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Краснодар.: Кубанский госагроуниверситет, 1999. С. 49.

¹³⁴ Уголовный закон. Преступление. Уголовная ответственность: Учеб. пособие / Отв. ред. И. Я. Козаченко. Екатеринбург.: Изд-во Урал, ун-та, 1991. С. 71.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.